

Роман Беляев

НЕВИДИМЫЙ
УЖАС

Основные произведения

Роман Беляев

Невидимый ужас

«Автор»

2023

Беляев Р. С.

Невидимый ужас / Р. С. Беляев — «Автор», 2023 — (Основные произведения)

ISBN 978-5-0060-4144-8

Вы когда-нибудь бывали в Папуа-Новой Гвинее? А в Антарктиде? А в Луизиане? Даже если бывали, то наверняка не в тех обстоятельствах, в которых там побывали герои трёх вселяющих беспокойство, тревогу и страх историй, собранных и объединённых в один мрачный сборник рассказчиком. Таинственный, маячащий где-то на горизонте, невидимый ужас пропитал каждую историю своим тёмным присутствием.

ISBN 978-5-0060-4144-8

© Беляев Р. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Зов каннибалов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роман Беляев

Невидимый ужас

Введение

Здравствуйте! Предоставленные далее сообщения, свидетельствующие о существовании скрытых, невидимых и предельно мрачных культов в отдалённых уголках нашей планеты, публикуются впервые. Стоит отметить, что данная работа не имеет народоведческий или религиозоведческий характер, и содержание её далеко от любой науки. Сведения, предоставленные далее, скорее являются жуткими предостережениями, нежели какой-либо научной работой по описанию быта и культуры каких-то невидимых сообществ людей.

Приведённая выше формулировка «свидетельствующие о существовании скрытых... культов» не подразумевает, что существование таких культов ставится кем-то под сомнение. Можно уверенно сказать, что обнаружение какого-либо локального культа где-то там, в глубине дикой лесной глуши, в наше время не удивит никого. Но что заставило меня взяться за публикацию этой работы, так это то, что упомянутые выше «скрытые культы» имеют незримый, но крайне глобальный характер, и затрагивают людей, не имеющих к ним никакого отношения и даже не знавших об их существовании. В этом случае сообщения о скрытых культах свидетельствуют не столько о локальных верованиях, сколько о скрытой угрозе, невидимой опасности, нависшей или могущей нависнуть над кем угодно. При достаточном осознании этот факт способен внушить тревогу в ум любого разумного человека.

Ради последовательности повествования я сперва немного расскажу о себе и о том, что привело меня к созданию данной работы.

История о том, как я открыл для себя мир неизведанного, наверное, весьма примитивна. Однажды я, будучи рыбаком-любителем, отправился в обыденное для меня уединённое путешествие на пару-тройку дней с очевидными целями: половить рыбу и отдохнуть. Место я выбрал новое, где никогда не бывал ранее: просто глядел на карты, пока не обнаружил казавшееся живописным неназванное озеро, которое было вдали от любых поселений. Я люблю так делать. Это задаёт и поддерживает дух приключения и исследования. Поэтому, снарядившись своим обычным набором, сообщив родным о том, куда я направляюсь, рано утром я сел на автобус и поехал в неизведанные дали.

Прибыв в окрестности этих далей, я ещё несколько часов шёл пешком по намеченной в голове дороге. Наверняка, мой подход раскритикуют многие любители побродить по диким лесам, ведь я практически не подготовился и пошёл почти что куда глаза глядят. Но, опять же, я люблю так делать.

До намеченного озера я так и не дошёл. Но случайно дошёл до другого водоёма, по моим представлениям не менее прекрасного, чем мой изначальный выбор. Собственно, там я и провёл день, отдыхая и рыбача. И ничего не предвещало беды.

Но ближе к ночи начался дождь. Ливень. Его не было в прогнозе, поэтому его начало стало неожиданностью. Ветер поднялся такой силы, что начал изредка метать различный лесной мусор. И что-то из этого мусора так удачно попало в мою палатку, что образовало в ней приличных размеров дыру. Спать в ней было невозможно, как и невозможно было делать это в такой обстановке вообще. Не находя другого выхода, я решил пойти домой. Или хотя бы дойти до ближайшего селения. Так я и начал свой обратный путь примерно в том направлении, откуда пришёл.

В какой-то момент я обнаружил, что заблудился. Ощущалось, что я забрёл в какие-то дебри, куда люди вообще навряд ли когда-либо заходили. Не было ни одного следа человека.

Но мне не было страшно, ибо я знал, что без труда переживу эту ночь со своим запасом провизии и каким-никаким снаряжением для экстренного выживания. Но бредя по какой-то дикой и безлюдной опушке в поисках дороги, слушая скрип качающихся елей и сосен, в свете красноватой луны я мельком заметил движение на самом краешке холмика, который был чуть поодаль от меня. Это движение не было похоже на сумеречное и бездумное трепыхание травы в ветряном припадке. Оно было равномерным, выделяясь среди всей этой танцующей в дикой языческой пляске растительности. Заинтересованный мыслью о том, кто же это может бродить здесь, кроме меня, потерявшегося в первобытной темноте, в столь дождливую и ненастную ночь, я спокойным шагом отправился к холмику.

Почву размывало подо мной, высокая мокрая трава с тяжестью проминалась под моими шагами, ветер бешено дул, пронизывая мою одежду насквозь, а дождь каждым ударом капли старался остановить и повалить меня. Но я шёл. Ещё бы! Это могли быть люди! И я шёл к этому холмику даже с небольшой улыбкой на лице.

Подняться на этот холмик было нелегко: почва постоянно расползалась под ногами, заставляя их соскальзывать. Но я не падал, держал равновесие. На полпути я заметил крышу дома за этим холмиком, что меня очень и очень обрадовало: здесь однозначно были или есть люди. Пусть даже не в этом доме, но где-то поблизости. И я смогу найти их, а потом найти и дорогу домой. А дом этот может послужить мне лучшим укрытием, нежели порванная палатка, и поможет переждать столь недружелюбную ночь. И никто не исключает вероятности, что дом этот может быть жилой, и люди там могут оказаться весьма добрыми и принять меня на ночлег, накормить и согреть у печи. Уже одни эти мысли подарили мне прибавку сил и даже немного согрели.

Потратив ещё некоторое время на покорение холма, в обычную погоду который покорился бы любому за полминуты небольших усилий, я, наконец, поднялся на него. Но то, что я увидел после этого, было совсем не тем, что я ожидал и хотел увидеть. Ещё минуту я стоял, всматриваясь в темноту, еле освещаемую красноватой луной, кое-как разбирая, как движутся какие-то силуэты. Но что-то инстинктивное, подсознательное не позволяло мне дать о себе знать. Я почувствовал какое-то беспочвенное опасение. Внезапно я вспомнил о своём фотоаппарате. Он лежал в футляре, поэтому дождь его не достал. Вытащив его, я выбрал ночной режим, чтобы можно было разглядеть эти силуэты получше, и сделал фотографию.

На фотографии было видно пять силуэтов. У них были непонятные контуры, кривые и сгорбленные, с выступающими частями там, где их быть не должно. Силуэты вызывали во мне непонятное беспокойство. Но один из них получился весьма чётко... Он выделялся на фоне остальных и вызывал тревожные вопросы. На голове его можно было разобрать подобие... рогов? Тонкие длинные выступы торчали из неё. И голова его была продолговата, навевающая ассоциации с козьей мордой. И это сразу же достало из подсознания старые образы различных представлений о дьяволах, демонах и им подобным. Образы, которые всегда пугали. При взгляде на которые всегда было предельно ясно, что ты видишь зло, вселяющее ужас и угнетающий страх. И подобный образ я видел сейчас перед собой. И он медленно шагал в тёмной дождливой ночи, держа в руке какую-то длинную палку, и с ним тяжело шли четверо фигур, словно в каких-то уродливых костюмах, направляясь к косому дому, стоявшему посреди поля в какой-то глуши, вдали от людей.

Я стоял там, в диком дождливом поле, на расплывающейся под ногами земле, и единственная мысль, которая посетила меня тогда, говорила мне, что нужно бежать. Сознание моё дорисовывало всю картину до жутких богохульных ритуалов, к которым приступят пятеро неизвестных посреди ночи в глуши. И я, медленно сползая правой ногой обратно по склону холма, начал отступать.

Я медленно съехал к низовью холма, поднялся на ноги и побежал. В голове была стойкая мысль о том, что они могли меня заметить, и теперь медленно направляются за мной. По

моим следам. Словно разъедающее спину чувство преследования напало на меня. Я бежал по полю, обошёл лес, пробежал через какой-то небольшой бор, снова через поле и вошёл в другой лес. Уже светало, и только тогда я остановился. Я чувствовал, что уже пару раз пересёк свой предел, – ну, или то, что раньше казалось мне моим пределом, – но если побегу так и дальше, то свалюсь.

Выдохшись, я сложил вещи на мокрую землю и лёг на них. Я хотел поспать, но не смог заснуть. Я пролежал около часа не смыкая глаз, а после встал и пошёл дальше. Спустя несколько часов ходьбы, я добрался до железной дороги. Отправившись по ней пешком, я больше всего надеялся, что она не будет проходить где-то рядом с тем домом. Вскоре я добрался до какой-то деревни, откуда с пересадками на автобусах добрался до города.

Уже дома я с трудом смог заснуть. Несмотря на обилие эмоций, сон был без сновидений. Ещё пару дней я ходил в некоем отрешённом состоянии, думая о том, что было бы, если бы меня заметили, и только потом пришёл в себя. И сейчас, когда я рассказываю это вам, то понимаю, что вся моя тревога и испуг вполне могли быть обусловлены бурной реакцией и вольной фантазией на увиденное. Я не исключаю это. И как наивно всё это может звучать! Но здравый смысл подсказывает мне, что в одинокий покосившийся дом, стоящий вдали от людских глаз, в глубокой ночи, да ещё и столь ненастной, шли далеко не охотники и не потерявшиеся туристы.

Так или иначе этот случай привёл меня к изучению мира паранормального. Сделал из меня исследователя. Гадая, сам я себя напугал, или же у меня действительно были причины для страха, я начал искать. Вначале я искал информацию для опровержения моей дорисованной устрашённым разумом истории, но никак её не находил: нигде не было ни изображения этого дома, ни упоминания его, ни какой-либо информации вообще – абсолютно ничего. Но зато были легенды и мифы вымирающих деревень о местных дьяволопоклонниках и язычниках, продолжающих жуткие традиции давно ушедших дней, скрыто творящих свои службы в далёких рощах, тайно приходя туда в определённые ночи богохульств.

Вопросов становилось всё больше, а ответов меньше. Поэтому однажды мне пришла идея собирать все найденные в процессе поисков данные о мистических событиях в одном месте. Но мне также хотелось активно общаться и делиться результатами своих исследований с другими заинтересованными людьми, которым всегда тоже было что рассказать. Сперва мы общались на форумах, делясь добытой информацией и обсуждая её. Но когда информации накопилось достаточно много, то я принял решение и создал сайт, онлайн-сервис для сообщений о разном непонятном. Если кто-то из читателей погружён в тему, то аналогия с UfoSeti многое скажет о моём проекте.

Популярность сайта росла, но пользы это приносило мало. Вовлечённых «старичков» становилось меньше, а свидетелей с не очень серьёзными или явно безумными сообщениями без доказательств становилось всё больше. Очень часто мне приходили сообщения в духе «Инопланетяне вещают мне в голову чужие мысли!», «НЛО украло у меня тыкву!», «Я контактёр, и после контакта у меня появилась родинка, на которой под увеличением через лупу видно карту нашей галактики с отмеченными местоположениями Земли и планеты пришельцев!». Одно из самых безумных: кто-то однажды написал мне, что американцы такие толстые потому, что обращаются к неправильному богу. Мол, слово «lord» («господь») многие из них произносят как «lard» («жир»), и жир как раз и откликается на их молитвы... Но обычно после отправки такого сообщения и моей ответной просьбы предоставить хоть что-то в качестве доказательств свидетели испарялись. Но были и весьма серьёзные сообщения...

На моём сайте сообщения обычно не публиковались в полном объёме, ибо существовала строгая форма для удобства классификации и поиска. Об этом знали все посетители. Поэтому я весьма удивился, когда в течение пары-тройки лет (примерно с 2015-го по 2018-й) получил несколько весьма объёмных сообщений, явно написанных с серьёзными намерениями. Повторюсь, я не занимался публикацией, и от того исключаю, что эти тексты присылал

кто-то, кто рассчитывал на их демонстрацию редким посетителям столь специфического сайта. Всё «сырьё», что мне писали, читал только я и, изредка, парочка модераторов. Поэтому на эти сообщения я обратил особое внимание.

Учитывая их характер, описывающий близкий мне опыт, а также их объём и как будто вопрошающий о помощи образ, по прошествии лет я счёл необходимым опубликовать их, дабы они не сгинули во времени. Наверняка, их авторы (к сожалению, оставившие меня практически без ответов), хотели именно этого: чтобы хоть кто-то узнал о тревожащих их событиях, избавил их от мрачного одиночества. Поэтому далее я привожу их сообщения. В том порядке, в котором они поступали ко мне.

Зов каннибалов

Трудно представить, что в нашу высокотехнологичную современность, когда люди погружаются в глубины океана, возносятся в небо, замахиваются на дали космоса, рассматривают устройство клетки и атома, создают сложные устройства, владеют огромными запасами впечатляющей любой ум невероятной информации и делают огромные скачки по направлению прогресса, параллельно всему этому существуют почти дикие, практически первобытные люди, живущие как будто бы в другом мире, находящимся где-то на границе нашей реальности и фантастических выдумок. Факт их существования удивляет и, даже, порой поражает умы, выросшие в условиях развитой цивилизации, окаймлённой стеной из небоскрёбов, и привыкшие к ней. И я даже не говорю сейчас о тех полумифических волосатых дикарях, что водятся в глухих лесах Евразии и Северной Америки, днём скрываясь от людских глаз в своих норах, а по ночам шастающих среди тёмных стволов деревьев под еловыми и сосновыми кронами в поисках заблудшей пищи. Не о тех жутких снежных людях, которых повсеместно замечают вдали спускающимися с холодных высот альпинисты и жители предгорий, которые потом нехотя делятся своими наблюдениями, с опаской косясь на безмолвные пики. Не о троглодитах, что упоминаются ещё в Библии и в писаниях древних греков, и что встречаются в глубочайших пещерах мира и служат причиной их частичного или полного закрытия для посещения туристами. Нет. Я говорю о вещах более приземлённых, но не менее, порой, будоражащих пытливым ум. Я говорю о всё ещё неизвестных нам малочисленных племенах тех обитателей Африки, что невидимо живут в самых удалённых и тайных её уголках, в самых густых лесах у реки Конго, о которых только мельком слышали пигмеи, и которых нам ещё не посчастливилось встретить. О неконтактных племенах бассейна Амазонки, живущих уединённо во влажных ядовитых зарослях дождевых лесов и топиях тропических болот. О древних шомпенах Большого Никобара, скрытно живущих вдали от остальных пришельцев-никобарцев. О бедных жителях затерянного в Тихом океане острова Банаба, ископанного и почти разрушенного горнодобывающей деятельностью европейцев. Об удивительных сентинельцах, живущих на Северном Сентинеле, чьим домом он был ещё до того, как начался последний этап последней ледниковой эпохи, исчез Доггерленд, скрылся под водой Берингов перешеек, а Тасмания была отрезана от Австралии, и которые никого не подпускают к себе. О жителях других одиноких океанских островов, чьё положение на карте вызывает удивление, и стоит только представить себя на их месте, зная обо всех густонаселённых современных городах и странах мира, как душу сковывает пугающее ощущение жуткого отдаления и одиночества. Но даже в быт этих народов рано или поздно приходит современная цивилизация. И даже мне, будучи этнологом, ещё труднее поверить в то, что в этих условиях, на почти полностью изученных нами площадях суши существуют неизвестные нам, по-настоящему скрытые примитивные племена первобытных людей, искусно старающихся сохранить своё существование в тайне от других, и живущих там, где обычному человеку и в голову бы не пришло поселиться. Я говорю о племенах столь древних и забытых, что знания и сведения о них кажутся нелепыми мифами и непристойными сказками, а сами размышления о них вызывают страх и ощущение незащищённости. И пусть судьба будет милостива к тем, кому выпадет мрачный случай заплутать и встретиться с ними, ибо никакие боги не услышат обращённые к ним из-под густых зарослей молитвы, что обречены на растворение в кошмарной какофонии насмешливого шума живых джунглей и нечестивых завываний тех, кого я не решусь назвать людьми. Пусть тем обречённым повезёт, и с ними не будет никого, способного понимать проклятое подобие языка этих существ. Невозможно услышать то, что знают и со злобой шепчут они в уши тем несчастным, что понимают их омерзительное наречие, и безумно повторяющим их слова на понятном нам языке, и не потерять в ужасе рассудок... Сейчас я стою на распутье, сомнения одолевают меня, так как произошедшая со мной исто-

рия, которая может подкрепить все эти слова, сам факт того, что она произошла, продолжает приводить меня ужас и ступор. И никогда в моей жизни не будет момента, когда бы я захотел вспомнить хотя бы миг из всего, что со мной случилось, и уж тем более его описать. Но с другой стороны, естественное чувство, что я должен предостеречь других о таящейся опасности, не покидает меня с того дня, как мне посчастливилось спастись. И исходя из этого, дрожащими руками, я всё-таки попытаюсь выудить что-то из того жуткого сумбура и описать это...

Всё началось в один зимний вечер. Будучи в отпуске, я занимался обычными домовыми делами, и время уже близилось к ночи. Ещё час-другой и я бы уже лежал на кровати, проваливаясь в сон. Но в какой-то момент я почувствовал недомогание, и меня одолела непонятно откуда взявшаяся лихорадка. Это было неожиданно, ибо ни утром, ни днём никаких предпосылок для её появления я не испытывал. Борясь со слабостью, охваченный неестественным внезапным жаром, я приоткрыл окна, выпил таблетку, сделал себе прохладный компресс и без сил упал на кровать, забыв о своих незаконченных вечерних делах – лихорадка заставила меня отправиться в кровать всего за каких-то десять-пятнадцать минут. Кажется, пока я лежал, у меня не было сил даже чтобы просто думать. Иметь мысль было тяжело – боль растеклась по всему телу, и на её фоне особо выделялась та, что сконцентрировалась в голове. Ворочаясь в беспмятстве, запутываясь и теряясь в намокшем белье, вскоре я погрузился в болезненные объятия Морфея.

Стоит отметить, что во время болезни кто-то спит много и глубоко, но я же переживаю болезнь во сне весьма беспокойно: сновидения странны и непонятны, жар и холод то и дело сменяют друг друга, а сам я часто просыпаюсь среди ночи то с сильной жаждой и заложенным носом, то с ощущением одновременно и усталости, и полного отдыха. Но в тот раз всё было по-другому. И это в какой-то мере меня насторожило – неужели всего за одну ночь отработанный десятилетиями и привычный алгоритм переживания болезни мог измениться? Тогда, за ту странную ночь, я ни разу не проснулся. Более того – на утро чувствовал себя вполне здоровым. Но сознанием моим овладели навязчивые мысли на одну крайне необычную тему...

Дело в том, что в ту ночь мне приснился необычный сон. Он не походил на обычные полусмысленные лихорадочные видения, полные малосвязанных образов, что я обычно вижу во время болезни. К сожалению, нет. Мне снился пробирающий до костей жуткий зов диких каннибалов. Мне снилось древнее племя, исполняющее первобытный ритуал, неявно, но целью которого, по интуитивным ощущениям, являлся я. В трясущейся пляске, кружа вокруг столба огня, улюлюкая и выкрикивая звуки и слова на неизвестном мне языке, они дёргались резкими движениями, теряя человеческий облик и размываясь в смазанный силуэт. За этим наблюдал высокий шаман, одетый в жуткие одежды, как мне показалось, из кожи, натянутой на кривые кости, – едва ли я могу позволить себе представить, кому они принадлежали. Играли громовые барабаны и гудели зловещие флейты, а наблюдаемые бились в подобии припадка, кружась вокруг огня под высокими тропическими деревьями, и к ним подступали новые и новые соплеменники, и вскоре толпа эта превратилась в движущуюся стену омерзительных копошащихся и выворачивающихся болезненно бледных человекоподобных тел, между которыми словно циркулировала первобытная злоба. Я видел это как будто бы со стороны, всматриваясь в это из-за густых кустов. И даже без их взглядов на меня и каких-либо обращений ко мне со стороны этих пугающих дикарей, во мне бился стойкий, почти панический страх, что их ужасающий ритуал проводился, чтобы позвать меня. Тяжесть страха, словно многотонная груда металла, навалилась на меня, не давая дышать и пошевелиться. Впервые во сне я почувствовал настолько сильный ужас.

Утром, по пробуждении, я понял, что от лихорадки не осталось и следа. Ни жара, ни озноба, ни заложенного носа или больного горла, ни даже больной головы – ничего. У меня даже начали зарождаться сомнения: а не приснилось ли мне это всё? Но только я подумал о снах, как все мои мысли быстро охватил остаточный страх от действительно увиденного во сне.

Ощущение реальности произошедшего в этом болезненном кошмаре было настолько сильным, что я думал о нём как о прошедшем дне. Я как будто бы на самом деле там побывал, в одно мгновение переместившись за тысячи километров от дома, а после вернувшись обратно. И воздух в комнате, как будто бы пропитанный той зловонной влагой джунглей, – даже несмотря на открытые окна, – не смел более явно намекать на верность моих догадок, что отказывался принимать здравый смысл. А этот зов... Я был уверен в его правдивости. То, что какое-то дикое заморское племя зовёт меня, ощущалось как несомненная истина, как что-то естественное и само собой разумеющееся, а в голове сами появлялись мысли о важности и необходимости незамедлительного путешествия в Папуа-Новую Гвинею. Я ощущал, что обязательно должен встретиться с этим племенем, словно встреча наша была назначена, оговорена и запланирована ещё много лет назад. Меня сковал оцепеняющий страх. Но ужаснее было осознание того, что пугали меня не эти демонические пляски дикарей, не атмосфера богомерзкого ритуала, и даже не сам их обрекающий зов, а неизвестность причины, по которой они хотят меня видеть.

В тот день, а также в последующие два, симптомов болезни, равных по силе предыдущим, не появлялось. Ни жара, ни озноба как днём, так и по ночам больше не было. Но, тем не менее, на меня то и дело находила сильная беспочвенная усталость, лишь изредка оставляя меня в покое и способным на хоть какие-то действия по уходу за собой. Сон тот более не повторялся, но мысли о нём, о его посыле, преследовали меня эти дни, большую часть которых я провёл лёжа в кровати совершенно обессиленным. С небольшими перерывами эти мысли появлялись вновь и вновь, поддерживая во мне вязкое чувство тревоги. Я пытался избавиться от них, но попытки не думать были безуспешны и всё время приводили меня обратно к обдумыванию сна. Безумная идея о путешествии на острова всё время витала где-то рядом, порою вызывая у меня нервный смех от своего безрассудства и попыток казаться чем-то обыденным в духе поездки на дачу. Дикий, лихорадочный гул от бесформенного ритуального пения то и дело раздавался эхом вокруг, а я терял ощущение реальности и не мог понять, играет он в моей голове или же доносится откуда-то извне, причудливо формируемый гудением батарей и ритмом сваебойных машин где-то на улице.

Со временем, на третий или четвёртый день, силы сами собой вернулись ко мне. Чужеродные мысли, посеянные тем больным сном, стали привычными, и я даже смог вернуться в колею своей рутины. Мною даже было решено продолжить работу, которую я не успел закончить до выхода в отпуск и взял на дом. И какое-то время всё было приемлемо: день-два я работал в удобном темпе и с достаточной продуктивностью. Но со временем, чем больше я погружался в работу, тем труднее мне становилось удерживать на ней своё внимание. Дошло до того, что каждый раз, когда я принимался за задачи, некая звенящая сила не давала мне сконцентрироваться на процессе их решения, а движения мои иногда даже сковывались и беспорядочно прерывались, словно удерживаемые какими-то невидимыми руками. Я начинал писать, но письмо, без должной концентрации, которую я часто терял, быстро превращалось в бессмысленные символы и безумные закорючки, которые не расшифрует даже самый опытный иероглифик; оно сметалось в чёрную кучу, отрывистыми линиями прыгало вверх и вниз, как будто рисуя неведомые черты каких-то обрывистых образов. Как только я начинал уделять всё внимание письму, разум мой тут же заполняли устойчивые мысли о тёмных джунглях из снов, о жутких людоедах, об этих омерзительных плясках в ночи и неестественной для человека ярости и злобы, таящихся там – в диких каннибалистических зарослях.

Со временем я потерял работоспособность. Как только я принимался за дело, головная боль охватывала меня и отступала только тогда, когда я начинал думать о сне, о его содержимом и о значении всего этого. Эта направляющая мышление боль, а также приставучие навязчивые мысли упомянутого выше содержания, всё это вместе вынуждало меня думать только о вещах, находящихся в рамках этой единственной темы.

Обсессии эти настолько не давали мне покоя, докучали и вызывали тревогу, что я боялся натурально сойти с ума, стать безумцем, одержимым одной идеей. И вот однажды, который час сидя за давно остывшим завтраком, погружённый в мысли о неизбежности рокового путешествия, я не выдержал и сломился под нескончаемым потоком психологического давления. Измученный умом, отчаянно желая прекратить эту пытку, я решил прервать свой отпуск и наведаться в университет, дабы обратиться к заведующему этнологическим факультетом с безумной просьбой об организации внеплановой экспедиции... в Папуа-Новую Гвинею.

Несмотря на то, что с заведующим мы были хорошо знакомы и общались в весьма дружеских тонах, и моё мнение и инициативы он уважал, я понимал, что у него бы однозначно появились вопросы о моей мотивации. В спешке, собираясь на бегу, я решил, что оправдаю своё предложение желанием расширить зону посылаемых экспедиций, внести разнообразие в исследуемый материал, а также рвением к работе «в поле» и непреодолимой скукой в отпуске. Но впоследствии, стоя уже одетым и готовым идти, я задумался ещё раз, после чего эти основания показались мне недостаточно убедительными, а сама затея экспедиции быстро была отринута, ибо ни за что на свете университет не согласился бы проводить столь дорогостоящую и сложную вылазку буквально по прихоти одного из сотрудников. Тем более, что даже в случае согласия её подготовка заняла бы огромное количество времени. Тогда я осознал бессмысленность затеи, но в голову мне пришло решение взять всё в свои руки. Носясь по квартире и вскрывая заначки, собирая и считая сбережения, я решил отправиться в путешествие за свой счёт. До конца отпуска оставалось ещё три недели, так что времени у меня было достаточно. Собрав свои сбережения в кошелёк и рассовав нужные документы по карманам, я вышел в подъезд и взял бесплатную газету из почтового ящика. В ней, листая объявления и рекламу, я стал подыскивать подходящую турфирму, что могла бы предложить мне билет на ближайшее возможное время. В университет сообщать о своём путешествии я не собирался, хоть и при расспросе можно было соврать, что я просто решил провести отпуск на тропическом острове. Но в этом не было нужды.

Держа перед глазами газету, я попутно шагал к центру города, где когда-то заметил обилие туристических агентств в паре мест. Гнусное везение благоволило мне, и после недолгих поисков в газете я нашёл подходящее агентство, предлагавшее горящие путёвки в страны Океании. И узнав адрес их офиса, я отправился туда. Он располагался примерно в двадцати минутах ходьбы.

Бредя по заснеженным улицам, что погружались в тёмные зимние сумерки, обходя прохожих и лёд на дорогах, я не мог не задаваться вопросами о своём состоянии, обращёнными к самому же себе. Действительно ли я, уважаемый университетский этнолог, направляюсь в офис туристического агентства, чтобы купить билет на далёкий остров, движимый одним лишь сновидением, одержимый какой-то странной идеей о каком-то мистическом племени, в правдивости которой я, словно проклятый помешательством, по какой-то причине не могу сомневаться? Не сошёл ли я с ума, пребывая в отпуске, в котором не особо-то и нуждался? И что я буду делать и куда пойду, когда прилечу в пункт назначения? Но я не успел ответить на эти вопросы, ибо перед моими глазами уже предстала прозрачная дверь в офис туристической фирмы. Незаметно для себя я провёл там около двух часов, обсуждая подробности и детали перелёта. Отказавшись от навязанных культурных программ, для виду согласившись следовать плану путёвки, я заполучил нужные мне билеты и уже через несколько дней должен был отправиться в ближайший крупный город, – название которого ничего вам не даст и потому не стоит упоминания, – откуда мог бы сесть на нужный мне рейс.

И вот, спустя пару-тройку, – а может быть и больше, – тревожных и смазанных суток, выпавших из моей памяти и потерявшихся в удушающей дымке то наступавшей, то отходившей лихорадки, в одно утро я уже ехал в поезде, и мне самому было трудно поверить в это. Всё это ощущалось как дурацкая фантазия, как представление на тему «А что, если...», но

осознание, что я действительно отправляюсь непонятно куда и непонятно зачем, то и дело возвращало меня в угрюмую реальность.

Поездка заняла около одиннадцати часов. Можно сказать, что за всеми этими мыслями о неизвестности, о том, что мне ещё предстоит, и за отсутствием разговорчивых попутчиков, за беспокойной дремой, что внезапно напала на меня посреди дня, и из-за которой я проспал почти всю дорогу, я даже не заметил, как доехал до нужного города. Прибыв на вокзал примерно в двенадцатом часу ночи, я сразу же нашёл и нанял такси до аэропорта – у меня не было времени для замешек. Мой рейс был назначен на три ночи, и я хотел пораньше прибыть в аэропорт, дабы избежать каких-либо неприятных ситуаций, ибо чувство особой важности этой «экспедиции» не покидало меня ни на одну минуту.

Довольно быстро добравшись до аэропорта, я провёл где-то два часа сидя в одном из кафе и пытаюсь избавиться от слегка ослабевшего потока навязчивых мыслей. У меня всё так же не получалось сфокусировать своё внимание на чём-то долго, и каждый раз, когда я пытался это сделать, – например, читая газету, – в голове всё так же появлялись образы из сна, привлекая к себе всё внимание, но отвлечься хотя бы на минуту-другую мне стало проще. Вскоре уже подходило нужное время, и выйдя к информационным экранам, я водил по ним глазами и старался не пропустить начало посадки. Ожидание заставляло меня нервничать, и когда эту самую посадку наконец объявили, когда я поднялся на борт, небольшое облегчение расплылось по моему телу и уму. На мгновение моё сознание стало чуть яснее, но тут же эта ясность была омрачена шквалом вопросов – даже, скорее, криков разума. Сперва меня обуяла паника, как только я чётко осознал, что нахожусь в самолёте, готовящемся ко взлёту. Большая часть моих сбережений была потрачена. Никто не знает, куда я отправился, потому что я никого не оповестил. Я не знаю, что делать и куда идти по прилёту. И я вообще не знаю, за каким чёртом я всем этим занимаюсь! Меня пробрал страх потери рассудка. Вернее, страх того, что это уже произошло. Что я уже сошёл с ума, ведь только сумасшедший может взять и ни с того ни с сего отправиться через весь шар земной в абсолютно чуждую ему страну просто потому... что увидел сон? Может, я действительно сошёл с ума? Или... Я читал, что существуют такие редкие психические расстройства, во время которых человек как бы забывает свою личность и переезжает на новое место, начиная новую жизнь. Кажется, это называется диссоциативной фугой. Может быть, я тоже впал в некое подобие или даже в настоящую диссоциативную фугу, пытаюсь сбежать от какой-то большой проблемы, вспомнить которую не могу по причине этой самой болезни? Может, этот «зов», доносящийся из глубин сна, вырывается из подсознания и носит защитный характер? Этаким защитным механизмом, забирающий все мои мысли и тем самым не дающий думать о той проблеме, от которой я бегу? И что, если я, как все пережившие это состояние, сбегу в новое место, на некоторое время забуду всё о себе, придумаю себе новое имя и начну новую жизнь, которой проживу столько времени, сколько будет достаточно, чтобы значимость и болезненность проблемы немного поубавились? Моя рука, сжимавшая подлокотник, вспотев от напряжения, соскользнула с него. «Но раз я думаю об этом сейчас, то, вероятно, такого не случится?», – пытался утешить я себя. Мне неизвестно, о чём думали люди, пережившие это состояние, но я ощутил, что балансирую где-то на грани изнеможённого сознания и сумасшествия. Но, тем временем, я уже сидел в кресле, самолёт взлетал, и пути назад уже не было.

Маршрут полёта, насколько мне помнилось, был примерно такой: из города, в который я прибыл на поезде, и из аэропорта которого отправляюсь, я лечу в Пекин, куда прилетаю утром примерно через восемь часов после отправки. Там меня ждёт пересадка длительностью в три с половиной часа. Из Пекина я лечу в Сингапур. Путь туда займёт примерно шесть с половиной часов. В аэропорту Сингапура будет необходимо совершить пересадку, длящуюся около пяти часов, и после отправиться в конечный пункт маршрута – международный аэропорт Джексон, также известный как Аэропорт Порт-Морсби, расположенный недалеко от одноимённой сто-

лицы страны, куда я должен был прилететь утром. На то, чтобы спланировать, что делать и куда идти по прибытии, у меня ещё было время. Наблюдая за взлётом в окно, за тем, как огни города танцуют и размываются в кажущемся болезненным мареве, странно возникшим среди зимы, я чувствовал, что совершаю непростительную ошибку, отправляясь на далёкий остров, чтобы встретиться с чем-то, что всегда пряталось от взгляда людей, но вдруг решило показаться одному из них.

Прошёл примерно час после взлёта, когда я заметил, что навязчивые мысли пропали. Мой разум опустел от их внезапного исчезновения. Это дало мне возможность поспать. И, нервно утомлённый, я заснул и проспал приличное время без снов и без тревог. Меня разбудили перед посадкой. Мы прилетели в Пекин. В окне я наблюдал огромный аэропорт Шоуду, чьи окрестности вдали были окутаны влажным утренним туманом. Так как я не ощущал того воспалённого гудения мчавшихся через мою голову жутких мыслей, я решил прогуляться по терминалу. Ох, как же там былолюдно! Несколько часов я плутал и бродил по различным зонам и кафе, изучая аэропорт и наблюдая за спешащими и снующими туда-сюда людьми, изредка задерживаясь где-то, но после снова продолжая странствие. Я ощущал себя весьма и весьма странно. Даже учитывая, что никто из всех этих людей не знал меня, не знал, о чём я думаю, куда конкретно и с какой целью лечу, всё равно каждый проходящий мимо человек, казалось, думал, что я сошёл с ума. Я ощущал, будто бы вокруг меня была невидимая, но осязаемая аура безумия. Возможно, это было от того, что я слишком сильно переживал из-за странности этой поездки, и по мне это было видно. В который раз я поймал себя на мысли об абсолютном безрассудстве моих действий. Но оглядываясь по сторонам, осознавая, что я уже далеко от дома, потерянный в окружающих потоках безразличной толпы, говорящей на неизвестных мне языках, я осознал и принял, что у меня нет выбора, кроме как продолжать следовать по начатому мистическому пути. Последний час перед посадкой я провёл недалеко от нужного мне гейта, ожидая её объявления.

Сев на самолёт до Сингапура, дождавшись набора высоты, я устался в окно, наблюдая за бескрайними небесными просторами. Я вспомнил, что ненавижу летать. Вернее, ненавижу эту вечную неопределённость, присущую отрасли воздушного сообщения. Что купленные билеты никогда не дают гарантию, что человек доберётся до пункта назначения. Что ему всегда могут отказать и оставить и без билета, и без денег – даже в середине пути, когда человек в чужой стране! Что никто никогда не говорит ничего с точностью: «Возможно, багаж нужно будет оплатить», «Возможно, у них особые критерии ручной клади», «Возможно, вас не пустят на борт при пересадке», «Возможно, вам не вернут деньги», «Возможно, билет не удастся обменять», «Возможно, на самолёте не будет мест», «Возможно, ваш багаж утерян» и так далее... Складывается впечатление, будто вся воздушная перевозка людей – это слабо организованное сборище из независимых водителей маршруток, внезапно накопивших на самолёт, и пары-тройки диспетчеров из таксопарка. Хаос и беспорядок, при которых иногда всё так удачно складывается, что кто-то, всё-таки, долетает до места назначения так, как ему обещали, и на таких условиях, которые ему обещали. И если эта неопределённость меня явно раздражала, то неопределённость моего будущего на Папуа-Новой Гвинеи меня совершенно не волновала. Я как будто бы был затерян где-то в открытом океане, но ощущал, что волны и течения ненавязчиво несут меня туда, куда надо.

Я смирился со своей судьбой. Я понял, что чем больше я противлюсь – тем больше страданий мне это приносит при неизменности итогового результата: я всё равно делаю то, что неведомая сила хочет от меня. Перестав пытаться вырваться из её непреодолимой хватки, я всё равно буду там, куда она и так заставит меня прибыть – но я, хотя бы, прибуду туда без головной боли, лихорадки и нервных переживаний.

Прилетев в аэропорт Сингапура, – Чанги, – меня по плану ожидала очередная многочасовая пересадка. Я слышал об этом аэропорте раньше, читал о нём в новостях. Самый лучший

аэропорт мира, в котором есть чем заняться, в котором много интересного. Я бродил по терминалу, затем заглянул и в другие. «Кинетический дождь», «Социальное дерево», многочисленные сады разнообразных растений, кинотеатры, бассейны, рестораны, бесплатные экскурсии, инсталляции и всё прочее – мимо всего этого я прошёл с безразличием. И вообще я бродил бесцельно, выжидая время до полёта в Порт-Морсби. В какой-то момент я присел на лавочку и стал думать о своих действиях по прилёту. Куда я пойду? Что я буду делать? Кого мне искать и что спрашивать? Но внезапное спокойствие окутало меня, и я понял, что призрачная рука, направляющая меня сейчас, будет направлять меня и там. Ощувив блаженную безмятежность, я присидел на этой лавочке, не заметив, как пришло время для последнего перелёта.

Словно загипнотизированный, ведомый чем-то невидимым, я проследовал в нужный терминал, где поднялся на борт самолёта, летящего к Папуа-Новой Гвинее. Во мне не было ни волнений, ни переживаний. Как не было и предвкушения момента, когда я окажусь на острове.

Несколько часов полёта прошли незаметно. Порт-Морсби виднелся в окне. Между зелёными холмами теснились светлые многоэтажные отели и деловые здания, а по самим холмам раскинулись домики попроще. Вдоль берега же от города расползлись хибары жителей, стоявшие на воде и отходившие от суши на приличное расстояние. И чем дальше я вёл взглядом по направлению от города, тем больше поражался величию острова, холмами своими уходящего в туманную даль.

Самолёт приземлился в небольшом аэропорту с зеленеющими стриженными участками между полос. Моё сознание было ясно и не затуманено, но внутри, где-то глубоко, как будто бы поселился странный паразит, невидимо контролирующий меня. Покинув борт, я вышел в терминал.

Как и прежде, куда идти – я не знал. На секунду я представил себя со стороны и удивился, как глупо, должно быть, я выгляжу для разумного человека, наблюдающего за мной: спешно пролетел через полмира в чужую страну даже не зная зачем, и теперь как дурак брожу между магазинами с сувенирами и стилизованной под местно-народную одеждой. Но в один момент я обнаружил, что набрёл на выход. Осознавая, что в аэропорту мне делать нечего, я вышел на улицу.

Как только я покинул помещение терминала, то резко ощутил тёплый и влажный климат острова. Без цели я шёл прямо, по направлению к парковке. На залитой солнечным светом, но странно пустующей стоянке выделялся старенький грязный внедорожник. Рядом с ним стоял и смотрел на меня коренастый чернокожий человек. Во мне возникла мысль подойти и спросить у него ближайший дешёвый отель, но вдруг я понял, что даже не знаю, на каком языке говорят здесь. Английский? Может быть, но навряд ли его знает большая часть населения... Осознав, что я практически ничего не знаю о Папуа-Новой Гвинее, я решил не подходить к человеку у внедорожника, а пройти дальше, надеясь, что наткнусь на какие-нибудь надписи на английском, сообщающих о чём-нибудь полезном для туристов. Но человек помахал мне рукой.

– Подходи, подходи! – со странным акцентом, на ломаном английском начал он зазывать меня, делая приглашающие жесты рукой.

Я удивился от неожиданности разговора, но подошёл к нему. Его широкое, морщинистое тёмно-коричневое лицо как будто с натянутой дружелюбностью улыбалось мне, а большие глаза с краснеющими сосудами не моргая и без особых эмоций смотрели на меня. Во вьющихся коротких чёрных волосах на его голове застрял какой-то мелкий разноцветный мусор.

– Ила, – тыкал он пальцем в себя, сообщая мне, по всей видимости, своё имя.

Не зная, что он от меня хочет, и подумав, что это просто какой-то местный, который хочет нажиться на глупом туристе, я сказал ему на английском же:

– Где здесь дешёвый отель?

– Нет, нет, – замотал он головой. – Не отель.

Затем он подошёл к задней двери внедорожника и приоткрыл её.

– Иди, подходи! – с улыбкой махал он рукой, показывая, что мне нужно сесть в машину.

Любой разумный человек заподозрил бы неладное в этой ситуации. Заподозрил и я, но Ила, словно гипнотизирующий меня своими неморгающими глазами, каким-то образом рассеял мои подозрения, как будто лёгкий ветерок обдул мой разум. Нематериальное нечто, что привело меня сюда, мягко заставило меня сесть в салон машины. Ила закрыл дверь и сел на место водителя. Машина затарахтела, и мы куда-то поехали.

Когда мы выехали с парковки, я подумал, что мы двинулись вглубь города по шоссе. Что мы проедем по зелёным холмам, на которых выглядывали из-за обильной растительности разные домики, в деловой центр или куда-то в этом направлении. Но по декорациям, которые представляли собой какие-то массивы складов, пустыри и тесные пригородные районы, я понял, что мы двигаемся на выезд из города. И вот, спустя некоторое время, мы уже тряслись на шоссе, проезжая по холмистой местности мимо и вдоль то лесов, то лугов и полей, пересекая реки и зажимаемые, порой, густой растительностью с обеих сторон дороги, изредка замечая бедные хибарки вдоль неё. Заросшие горные хребты то виднелись, то скрывались за деревьями и более близкими к нам холмами. Я с безразличием смотрел на всё, за чем едут сюда туристы, и задумался только однажды и об одном: что, кажется, забыл свой багаж, – пару сменных комплектов одежды и белья, – в аэропорту.

Мы ехали и ехали – молча, даже не смотря друг на друга. Дикая придорожная природа несколько раз сменялась небольшими деревушками, но мы миновали их все, не затормозив ни в одной.

– Вы боитесь? – внезапно обратился ко мне Ила с лёгкой улыбкой.

– Нет, – ответил я безразлично.

– Почему нет страха? А что, если мы пираты? Попросим деньги? – засмеялся он.

– Я не думал об этом, – честно ответил я. – Мне кажется, что это не так.

– Не так... – задумчиво сказал Ила и добавил что-то на своём языке.

Ещё некоторое время мы проехали в тишине, но, по всей видимости, в водителе что-то кипело, и он не мог долго молчать. Перебиваясь на свой язык, он, не особо эмоционально, но с некоторым презрением что-то бурчал, а я слушал краем уха:

– Туристы... Источник бед... Приезжают за смехом, уезжают со страхом. Белые женщины улыбаются – мы болеем... Белые мужчины дают нам топор – мы убиваем себя и друг друга... Белые каннибалы едят бога, но ругают нас, когда мы едим человека...

Услышав последние слова, некая пелена спала с моих глаз. Если раньше всё ощущалось мною словно в ясном сне, то сейчас я как будто проснулся. Но это пробуждение было неприятным, и момент его был одним из тех, когда сознание приходит в норму, а реальность оказывается гораздо паршивее сна. Я вдруг ясно и чисто осознал, что еду в машине с неизвестным мне человеком, – потенциально, людоедом, – в какой-то глуши, неизвестно куда, в стране, где меня никто не будет искать, и где людоедство – это всё ещё не до конца побеждённая проблема. В такой ситуации не удивителен будет исход, когда мы завернём с шоссе на какую-нибудь заросшую дорогу и приедем в какую-нибудь глухую деревню, где меня просто разденут и съедят. Страх сковал меня и вынудил обратиться к водителю:

– Извините, а куда мы едем?

– Керема, – однозначно ответил он.

Неизвестно, зачем я это спросил, ведь название «Керема» мне ничего не дало, как, скорее всего, не дало бы и название какого-либо другого населённого пункта. Я не знаю эту страну и не знаю городов, кроме Порт-Морсби. Но что-то уточнять у Ила или спрашивать другое я не стал. По ощущениям, мы ехали уже несколько часов.

Я смотрел в окно, а пейзаж там едва менялся: заросли, луга, пара выглядящих заброшенными хижин, мост через реку, снова заросли, луга... Солнце было высоко, и мне стало понятно, что мы едем, приблизительно, уже часа четыре.

Мы ехали примерно ещё один час. За это время я единожды попросил воды у водителя, и больше мы с ним не разговаривали. Наша поездка закончилась в небольшом городке на берегу. Мы немного поехали по нему туда-сюда, – очевидно, Ила искал кого-то или что-то, – и я успел увидеть, что в этом городе тоже есть небольшой аэропорт, что был примерно в два-три раза меньше, чем аэропорт в Порт-Морсби. По всей видимости, в связи с трудностями передвижения по местным лесам и горам, самолёты здесь – один из основных видов транспорта. По итогу мы остановились напротив одной из нескольких городских церквушек. Одноэтажное серое здание стояло на красноватой почве, окружённое постриженной зелёной травой. Ко входу вела невысокая лестница. Рядом с ней в своём прицерковном быту копошилась толпа молодых людей, детей и нескольких человек постарше. Они все были в приличной одежде и выглядели достаточно радостно. Взрослые увлечённо и с улыбками что-то обсуждали, а дети то слушали их, то прерывались на свои недолгие детские дела и беготню. Среди этой толпы в нашу сторону то и дело поглядывал один относительно высокий молодой человек в светлых брюках и голубой рубашке-поло. Когда мы подъехали, он лёгким жестом показал, что заметил нас, и теперь мы, по всей видимости, ждали его.

Вскоре эта группа начала обниматься и прощаться, и этот молодой человек, попрощавшись со всеми, направился к нам. Открыв дверь, он сел на переднее сиденье рядом с Ила. Они поздоровались и перекинулись парой фраз на своём, после чего он повернулся ко мне и протянул руку:

– Приветствую. Меня зовут Джейкоб, – он сказал дружелюбно на неплохом английском.

Я с неуверенностью пожал ему руку и поздоровался в ответ. Спрашивать что-то мне у него не хотелось, хоть он и выглядел как человек, который сможет дать мне какие-то ответы. Признаться, задавать какие-то вопросы, когда я сам являюсь виновником всей этой ситуации, мне показалось глупым и непозволительным. Джейкоб и Ила о чём-то ещё поговорили, и мы двинулись дальше.

– Вы доехали нормально? – спросил у меня новый знакомый.

– Да, – нехотя ответил я.

– Вы устали? – продолжал он.

– Не очень.

– Это хорошо, – с довольным видом отвернулся Джейкоб и они продолжили о чём-то говорить с Ила.

Мы доехали до каких-то жилых домиков и остановились. Наш попутчик вышел и забежал в один из них. Прошло минут десять, когда он вышел, переодетый в одежду попроще, со спортивной сумкой, болтающейся на плече, и вернулся к нам.

Машина загудела, и мы поехали дальше по городу. Я смотрел в окно и наблюдал за местными, неспешно бродящими по улицам. По итогу мы оказались на каком-то рынке. Ила заглушил машину и, посмотрев на меня, сделал приглашающий жест, зовя меня на улицу. Я молча вышел из машины и оглянулся по сторонам. Недалеко, под металлическими навесами, на подкладках на земле расположили свои товары местные торговцы. Мы подошли к ним. И пока мы медленно шли вдоль рядов, я смотрел на торгуемые фрукты и овощи, и едва ли мог распознать среди них какие-либо знакомые мне. За исключением, разве что, бананов.

– Вы голодны? – спросил меня Джейкоб.

– Не очень, – ответил я.

– Всё равно следует поесть, потому что нам нужны будут силы. У нас долгая дорога впереди.

– Хорошо, – я согласился и полез в карман за кошельком, но Джейкоб остановил меня и, улыбнувшись, сказал, что угостит.

Мы прошли ещё немного, и вскоре на широких листьях, заменяющих тарелки, оказались несколько каких-то приготовленных корнеплодов, немного риса, немного рыбы и жареные бананы. Ила носил с собой ещё три стакана каких-то напитков.

Далее мы присели в одном затенённом местечке и начали трапезу. У меня не было аппетита, да и наверняка я всем своим видом непроизвольно показывал, что не хочу ничего. Я не знал, по какой причине нахожусь с этими двумя людьми, и не ощущал себя в безопасности. Тем не менее, немного еды они, – вернее, он – Джейкоб, – всё-таки уговорили меня съесть. И пока мы ели, Джейкоб о чём-то разговаривал с Илой, который, наевшись, гонял каких-то птиц. После он достал что-то из кармана, закинул в рот и начал жевать и иногда плевать. Со временем его ротовая полость и слюна окрасились в красный, что придавало ему жуткого вида. Попутно Джейкоб перебрался парой фраз со мной на общие темы вроде кем я работаю и где живу. Когда наш обед закончился, мы вернулись к машине. Джейкоб спросил, не остались ли у меня в ней какие-то вещи. Я помотал головой, он забрал свою сумку, Ила закрыл машину, и втроём мы направились куда-то дальше в город. Но шли мы недолго – вскоре перед нами открылся берег, на котором заканчивалась деревня. С широкого залива, в который ветвисто впадали реки, подуло небольшой прохладой и влагой. Мы дошли до небольшой пристани.

– До свидания! – улыбаясь попрощался со мной Ила, протянув руку.

Я с небольшим непониманием пожал ему её. Затем он на своём поговорил с Джейкобом. Они тоже попрощались, пожав друг другу руки, и Ила отправился обратно, в сторону своей машины. Мы с Джейкобом остались наедине. Он, видя мою растерянность, попросил меня не переживать ни о чём, и что сейчас мы переплывём на другой берег и отправимся в наш путь.

О каком пути он говорит – мне было неизвестно. И моё естественное любопытство всё норовило спросить его об этом, узнать хоть что-то о том, куда мы направляемся. Но смотря на Джейкоба, слегка покачивающегося в такт волнам переплываемого залива, я ощущал какую-то пугающую таинственность, которая отталкивала меня от задавания вопросов. Он смотрел на меня, и по его глазам было видно, что он как будто знал, что конкретно я хочу спросить, и ответ у него был уже давно заготовлен, но сказать его без формальностей, без моего вопроса он будто бы не мог. Или не хотел. Оттого мы проплыли весь водный путь молча, а я старался не смотреть на него.

Вскоре мы доплыли до другого берега и проплыли ещё немного вдоль него, остановившись по итогу у какой-то деревни. Оставив лодку, мы перешли на сушу и зашагали через выглядевшее заброшенным поселение. Я не заметил ни одного человека пока мы шли. Со временем деревушка осталась позади, а мы двигались по грунтовой дороге через прибрежный лес. Я всё ещё слышал шум воды, шум океана.

Мы шли и шли, и я слушал причудливые песни местных птиц, но продолжающееся моё неведение относительно пункта назначения да и вообще причины, по которой незнакомый мне человек забрал меня в аэропорту, а другой сейчас ведёт неизвестно куда, начало весьма меня раздражать.

– Куда мы идём? – я, наконец, обратился к Джейкобу.

Он лишь посмотрел на меня с удивлением, усмехнулся и бросил отговорку:

– Мы не говорим здесь об этом.

Я почувствовал, что непонимание вызывало во мне гнев. Но в то же время я понимал, что нахожусь не в том положении, чтобы конфликтовать.

– Зачем вы забрали меня из аэропорта? Почему меня, а не кого-то другого? – спросил я, немного успокоившись.

– Мы не выбираем. Мы делаем, что нам говорят, – спокойно ответил он.

– Кто говорит? – я осторожно продолжал свои попытки узнать хоть что-то.

– Поберегите своё дыхание. Нам ещё далеко идти, – он сказал невозмутимо.

Мы долго шагали по этой дороге, изредка делая небольшие перерывы на отдых, поскольку этот путь давался мне трудно. Моя одежда вся взмокла от пота и влажности воздуха тропического леса, в который мы всё дальше углублялись, в какой-то момент свернув с относительно широкой дороги на узкую тропинку. Даже при свете солнца находиться в этом лесу было некомфортно: обилие неизвестных звуков, обилие непонятных движений окружающего мира, обилие ядовитых и плотоядных тварей, переносящих заболевания и маскирующихся под что угодно – всё это вызывало во мне тревогу и выматывало, поскольку на редких привалах я не мог даже минуту посидеть без беспокойства и переживания, что какое-нибудь жуткое насекомое ползёт по мне в эту самую секунду со стремлением отложить яйца в глубине одного из моих ушей. Беспокойству способствовал и Джейкоб, постоянно напоминавший мне о необходимости всё время двигаться и осматривать себя. Я вздрагивал от каждого соприкосновения с каким-нибудь влажным листочком или странно пахнущим цветком и еле сдерживал нервную тряску, когда широкие и мокрые зелёные языки растений облизывали меня, а каждая лиана или ветка на земле, за которую я запинался, казались мне ядовитейшими змеями или хвостами жутких тварей, шипящих, свистящих и клокочущих, доселе невиданных людьми-чужаками.

Неизвестно, сколько ещё времени мы продирались через заросли растений, идя куда-то. Порой Джейкоб работал небольшим топориком, прорубая для нас путь через зелёную стену, которая, казалось, тут же зарастала обратно, как только мы протискивались через вырубленную сочащуюся соком растений щель. Кроны высоких деревьев переплетались между собой, ветви их словно связывались лианами в причудливые каркасы естественного навеса. Солнца почти не было видно, но всё же иногда свет неба пробивался через редкие дыры в растительном потолке. И вскоре, взглянув в очередной раз наверх, я заметил, что начало темнеть.

Сумерки медленно опускались на и без того весьма тёмный лес. С трудом пройдя ещё минут тридцать, мы вышли на более-менее светлый участок рядом с каким-то заросшим каменистым холмом. Крыша из листьев деревьев здесь немного проредилась, и нашему взору открылось темнеющее синее небо, на котором загорались звёзды, и где-то на краю которого ещё слабо сияло закатное солнце. Я любовался, казалось, давно невиданным зрелищем, но был резко прерван – Джейкоб остановился, и я случайно врезался в него.

– Сейчас туда, – указал он в сторону холма.

Я посмотрел в указанную сторону и слегка испугался: в холме перед нами зиял чернотой обширный вход в пещеру. Темнота в нём выделялась на фоне наступающей ночи, и в который раз я, осознавая всю ситуацию, был вынужден смириться и принять происходящее, ибо по-другому было нельзя. Я не мог развернуться и куда-то убежать. Бежать было некуда. В ночном тропическом лесу, находящемся на абсолютно неизвестном мне острове, где люди говорят на неизвестных мне языках, и где я нахожусь в первый раз в своей жизни, остаться и следовать указаниям Джейкоба было единственным возможным решением, при котором я, вероятно, проживу чуть подольше. Сожалеть и сокрушаться о своей глупости, по которой я попал в эту ситуацию в первую очередь, времени не было – Джейкоб уверенно зашагал к пещере, отчего я поспешил за ним.

Из пещеры веяло влажной прохладой. Осторожно, шаг за шагом, Джейкоб спускался под землю по весьма крутому склону. Я старался повторять за ним и прилагал много усилий, чтобы не запнуться за что-нибудь и не упасть. Вскоре темнота окружила нас, и единственным, что можно было разглядеть, был кусочек неба, видневшийся в удаляющемся входе. Но скоро и вход был потерян из виду, когда мы завернули в какой-то проход.

– Держитесь за меня, – посоветовал мне Джейкоб.

Я последовал его совету и схватился за его плечо, а другой рукой вёл по стене. Так мне удалось немного ослабить ощущение дезориентации. Каждый маленький совершаемый мною шаг требовал совершения сперва шага побольше в моих мыслях – я не мог подвинуть ногу, не переступив через страх, что сейчас сделаю шаг и упаду в какой-нибудь глубокий грот. Но

Джейкоб время от времени подсказывал мне куда следует поставить ногу и предупреждал об опасностях и препятствиях на нашем пути. Я понял, что он не в первый раз ходит по этой пещере.

Завывания ветра и странные шорохи окружали нас всё время, пока мы шли. Не могу сказать, сколько это заняло времени, ибо потерял его счёт сразу, как только мы погрузились в непроглядную темноту подземелья. Но в какой-то момент мой проводник предупредил меня, что сейчас мы дойдём до места, где добудем свет.

Мы сделали ещё примерно сотню-другую шагов по узким проходам и, судя по эху, несколькими широким залам. И в одном из этих залов мы и остановились.

– Закройте глаза и отвернитесь, – сказал Джейкоб, гремя, судя по всему, каким-то деревянным ящичком.

Я закрыл глаза и подметил, что не ощутил разницы – было одинаково темно что с открытыми глазами, что с закрытыми. В какой-то момент я даже запутался и не мог понять, открыты у меня глаза или закрыты. Джейкоб стучал какими-то деревяшками и чем-то ширкал. Внезапно яркий свет озарил пространство. Я был рад, что мои глаза всё-таки были закрыты. Я не открывал их и потихоньку привыкал к появившемуся свету, который источался, очевидно, факелом, горящим с характерным «огненным» звуком. Я почуял его запах. Не сказать, что это был приятный аромат, но он, тем не менее, немного меня успокаивал. Когда закрытые глаза привыкли, я приоткрыл веки и начал привыкать уже непосредственно к нашему новому спутнику. Джейкоб пошёл дальше в пещеру, и я поспешил за ним.

Идти теперь было комфортнее и спокойнее, и я даже начал переключаться на осмотр самой пещеры. На стенах, освещённых желтоватым огнём, играли тени от различных неровностей и выпуклостей. Каменная поверхность была иссечена разными естественными полосами и впадинами и то темнела, то светлела, меняясь в составе в разных местах. Слушая далёкие завывания пещерного ветра и разнообразную ритмичную капель, мы шли дальше.

В одном из очередных залов, когда мы в него вошли и осветили огнём, я увидел десятки чёрных силуэтов, словно прилипших к округлому потолку и крутым стенам. Сотни обращённых на нас глаз засияли на страшных мордочках крупных летучих мышей или даже лисиц! Некоторые из них полетели и начали кружить над нами или направились в проход, из которого мы вышли, но часть осталась на своих местах, провожая нас взглядом, пока мы шли дальше, к выходу с этого зала.

Пройдя несколько странных развилок, гротов и залов, в одном из очередных узких коридоров я почувствовал лёгкий ветерок. Мы шли по его направлению и вскоре вдалеке я увидел едва различимый свет, идущий снаружи. Приближаясь к нему, я ощущал, что становилось теплее, да и холодный «землистый» воздух пещеры постепенно сменялся на свежий «поверхностный». Ещё пара минут – и мы снова очутились в джунглях, стоя, как раньше, у зияющей чёрной дыры в подземелье.

К этому времени уже наступила полноценная ночь. Мы шли по чуть менее заросшим местам, в которых я ощущал себя менее зажатым и сдавленным зелёными тисками. Звёздное небо ощущалось чужим, и мне едва удавалось обнаружить и распознать знакомые созвездия в непривычных местах, и которые постепенно сливались с той мешаниной звёзд, в которой я разобрать ничего не мог и которую никогда не видел.

Воздух похолодал. Вокруг было на удивление тихо. Только ветер то и дело шелестел листвою. Из-за высокой влажности и прохлады каждое его дуновение вызывало у меня мурашки. Джейкоб шёл впереди, торопливо шагая по узкой тропинке и всё так же неся факел.

Вдруг на нас обрушился дождь. Это было столь внезапно, что я даже остановился от удивления. Но Джейкоб одёрнул меня и пробормотал что-то, что я не разобрал. Полубегом он задвигался по тропинке, а я, боясь остаться один, побежал за ним. Дождь становился сильнее

и превращался в холодный ливень. И пока мы бежали по скользкой почве и разбрызгивали грязь ногами, я молился, чтобы наш факел не погас.

Пару раз я падал, спешно вставал и в панике догонял проводника. Пару раз, ощущая потерю равновесия на очередной горке, я пересиливал себя и просовывал руку в неизвестную листву и в отчаянии хватался за всё, что удавалось там нащупать, отгоняя мысли о висящих змеях, хвостах хищников и ядовитых лианах.

Наконец, когда наше безумное странствие во тьме по непролазным ливнёвым зарослям стало казаться бесконечным, а мой разум был готов вот-вот смириться и остаться там навсегда, мы внезапно выбежали на некую поляну, что некрутым склоном спускалась куда-то вниз, к следующим чёрным джунглевым дебрям. На этой поляне стояла небольшая избушка, странно выделяющаяся на фоне едва различимого ночного пейзажа.

Добежав до этого небольшого круглого строения, Джейкоб быстро скинул обувь и спешно, пригнувшись, залез внутрь. Я всё повторил за ним и оказался в мрачном помещении с низким потолком, о который я ударился головой в инстинктивной попытке разогнуться. Круглый зал освещался чудом непогасшим факелом, от которого Джейкоб добывал огонь в костровище у стены. Наступая мокрыми носками на хрустящую сухую соломенную стружку, которой был припорошен земляной пол, я подошёл к нему. Огонь быстро разгорелся, и мы присели прямо на пол возле него, отдыхая после тяжёлого пути. Дождь дробью бился о стены хибарки снаружи, то и дело завывал ветер.

Мы сидели молча. Я не посмел задавать какие-то вопросы. Само наличие вопросов в какой-то момент стало для меня ощутимой глупостью: их надо было задавать ранее, но раз этого не произошло, то и не стоит что-то спрашивать вообще. Какой смысл интересоваться «Куда мы идём?», когда я сижу неизвестно где, вдали от единственного города, о котором я и то знаю только название? Когда я спасаюсь от ливня в ночных джунглях с незнакомцем, о котором знаю только имя, но с которым провёл уже столько времени, что негласно полностью передал ему в руки свою судьбу? Что даст мне ответ на мой вопрос? Если он мне не понравится, то что тогда? Я развернусь и пойду домой?.. Сейчас у меня не было выбора, кроме как следовать за Джейкобом. А раз так, то к чему иметь какие-то вопросы?

Пока мы сохли, я робко оглядывал помещение. Крайне бедное убранство избы было практически полностью пусто. Где-то валялась какая-то мелочь, где-то лежали неизвестные мне предметы непонятного назначения, где-то стояла какая-то обычная и не очень обычная посуда. Глядя на неё, я ощутил, что ощутимо проголодался.

– Мы... будем есть? – нерешительно я обратился к Джейкобу.

– Нет, – однозначно ответил он, глядя в костёр.

Я не стал спрашивать о причинах такого ответа – просто принял это как данность и вздохнул. Ощущалось, будто я потерял себя или какую-то важную часть себя где-то там в лесу и теперь, как листок на дереве, просто колышусь на местном ветру.

Потихоньку мы отогрелись и просыхали. Я почувствовал внезапно обрушившуюся на моё тело невероятную усталость. Мне неизвестно, сколько километров мы прошли, но по боли в ногах ощущалось, что очень много. Я был вымотан и даже начал клевать носом. Джейкоб заметил это и предложил мне пойти спать.

Мы встали и прошли к отверстию в потолке. Наверх вела не внушавшая доверия лестница. Джейкоб забрался по ней на второй этаж, и я устало пополз за ним. Там я обнаружил пару лежанок из соломы, подобной той, что была на полу.

– Спите теперь, – указал мой спутник на одну из лежанок, а сам начал слезать обратно на первый этаж: – У меня ещё есть дела.

Я кивнул и на коленях прополз до лежанки, после чего сразу рухнул на неё без сил. И хоть моё тело желало отдыха, мой разум не давал мне провалиться в столь желанный сон. Обилие впечатлений то и дело вызывало какие-то затягивающие размышления и повторные пережи-

вания событий: поездку в машине, поход по пещере, бег под дождём... Дождь, к слову, к этому моменту уже поутих, и монотонный гул капель исчез. Теперь изредка в ночной тишине слышались вскрики и завывания каких-то неизвестных животных, а также потрескивание костра и копошение Джейкоба внизу. Слышалось, как он расстегнул молнию сумки и чем-то шелестел, доставая это из сумки и кладя обратно.

Небольшая тревога не покидала меня. Разум подсказывал мне, что засыпать посреди джунглей с незнакомцем – крайне безумная идея. Но усталость брала своё, и потихоньку я проваливался в сон. Вскоре и Джейкоб закончил свои дела внизу, и я услышал, как он вновь забирается сюда по лестнице. Инстинктивно я приоткрыл глаза, чтобы успокоить какую-то тревожную часть себя, переживающую, что ползёт это не Джейкоб, а кто-то другой. И от увиденного я истошно завопил, будучи не в силах сдержать ужас, прогнавший весь сон и заставивший меня сорваться с лежанки и забиться у стены.

На второй этаж действительно заполз Джейкоб, но на нём... Он был... О, Боги! На нём вместо одежды был костюм... Из человеческой кожи! Его белые глаза с красными капиллярами смотрели на меня из глубины рваных отверстий чужого лица, которое он натянул поверх своего! Мёртвые губы трепыхались, пока под ними он что-то бормотал, наверняка обращаясь ко мне. Слой этой маски заметно возвышался толщиной над его собственным лицом, меняя его форму на пугающе непропорциональную. Он тянул ко мне руки, делая ими успокаивающие движения, а я смотрел на них и понимал, что цвет кожи на них не тот, не цвет кожи Джейкоба.

Когда паника прошла, я молча смотрел на него, тяжело дыша и пытаюсь уследить за ритмом сердца и не допустить его остановки.

– Так надо, так надо... – повторял Джейкоб, пытаюсь мне успокоить.

Мой разум отказывался принимать реальность происходящего. Человек, скрючившийся передо мной и что-то там бормочущий в темноте, был одет в костюм из человеческой кожи в полный рост, и швы были заметны по всей его длине: на животе, на шее, на поясе... Место гениталий было зашито. И, по всей видимости, этот самый костюм он всё время нёс с собой в этой его спортивной сумке! С самой нашей встречи, в поездке в машине, в походе по джунглям и пещерам, и до самого этого момента в его сумке лежал костюм из кожи, когда-то снятой с человека!

Со временем я ощутил какое-то отчаянное смирение. Наверное, за нехваткой сил, мой организм просто устал бояться и решил: «Будь что будет». Джейкоб же подполз ко мне поближе и прикоснулся ко мне этой жутью, положив руку на плечо, пытаюсь успокоить. Столь отвратно мне не было ещё ни от одного прикосновения в моей жизни.

Взяв меня за руку, – которая отказывалась сжимать его кожаную руку в ответ, – он повёл меня за собой на первый этаж. Мы спустились и вернулись к костру. В его свете Джейкоб выглядел каким-то образом одновременно и более, и менее пугающе. Я сидел молча, слушая треск костра и насторожено отвлекаясь на угрюмый и пугающий рёв обезьян-ревунов, то и дело раздававшийся в ночи. А Джейкоб принялся мне что-то рассказывать. Я слушал его, попутно пытаюсь унять нервную дрожь в конечностях.

– Мы идём туда, где так надо. Без этого мы не дойдём. Должен быть проводник, одетый как они. Иначе они убьют, – рассказывал он.

– Кто «они»? – дар речи вернулся ко мне, и я еле слышно спросил.

– Они... Главные этого места. Они страшны. Мы ходим к ним, чтобы уважить. По-другому нельзя, – сказал он и замолчал.

Его пояснение не дало никакой информации, и я уже начал погружаться в себя, как он продолжил:

– Нам, некоторым, рассказывают легенду... Давно, у пещеры лежал гниющий труп древнего великана. Его убил камень со скалы. Он был убит за свои злодеяния. Он не знал меры. С рождения он пожирал и пожирал всё вокруг и не останавливался. Со временем, чтобы хватать

больше, у него на спине выросла третья рука. И чтобы есть больше – на затылке открылся рот. И чтобы видеть больше еды вокруг себя, его голова стала тоньше, и глаза разъехались к бокам. Он ел земных животных, и у него, почти как сумка кенгуру, раскрылось брюхо, чтобы объедки падали в желудок. И он ел рыб и водных животных, и кожа у него стала бледной и покрылась вонючей чешуёй, а глаза стали большими и как у рыбы. И он ел деревья и растения, и волосы его превратились в зелёные ядовитые лианы, а ногти превратились в кору.

Весь свой рассказ он сопровождал активной жестикуляцией, что в этом костюме и свете костра выглядела весьма жутко. Немного передохнув, он продолжил рассказ:

– И когда камни испугались, что великан когда-нибудь начнёт есть их тоже, и что они станут его костями, обратились к Солнцу. Оно тоже боялось, что великан со временем доберётся и до него. И тогда они вместе решили убить великана. Когда он спал под скалой, Солнце иссушило камни, и они отломились от скалы и покатались вниз. Великан проснулся и хотел отбежать, но они разбили ему голову. И он упал мёртвый у входа в пещеру. И прошло много времени. Черви завелись в его труп. И летучие мыши покрыли их и его труп своим помётом. И пробежала когда-то свинья и оплодотворила этот трупный помёт. И спустя время оттуда родились они...

Я дослушал эту историю и не мог понять, о чём она. О мифическом рождении кого-то, к кому мы сейчас идём? Хорошо. Но она... Воспевает их своим существованием? Или наоборот унижает, описывая столь отвратительный способ появления? Но найти ответы на эти вопросы я не надеялся и, если честно, особо и не желал. Папуасская сказка на ночь волновала меня сейчас мало. Но пока я слушал её, напряжение во мне немного снизилось. Я всё ещё не находил нормальным переодевание Джейкоба, но полное эмоциональное истощение заставляло меня забыть об этом.

– Теперь спать, – сказал он, потушил костёр и отправился на второй этаж.

Я отправился за ним. Прямо в своём костюме он лёг на лежанку и повернулся ко мне спиной, демонстрируя неказистые швы и примитивные застёжки там и тут. Я лёг и отвернулся, и сон нашёл на меня так быстро, что я даже не успел о чём-то задуматься.

Всю ночь я проспал крепко и без сновидений. Это меня радовало, ведь если бы мне что-то приснилось, то наверняка не что-то приятное. Но и отдохнуть я не успел – ночь пролетела в одно мгновение. И вот я уже разбужен своим спутником и, пересиливая ощущение полной разбитости, в полудрёме сползаю с лежанки и спускаюсь на первый этаж.

С улицы внутрь избы попадал тусклый свет. Костёр снова горел, но никакой еды рядом я не видел. Вчера я смог забыть о голоде во время пережитого ужаса, но сейчас моей истощённой нервной системе, кажется, не было дела до расхаживающего рядом в человеческой коже Джейкоба, который, по всей видимости, прямо в этом костюме и спал. Мой живот заурчал, но Джейкоб был занят какими-то своими делами.

– Мы будем есть? – спросил его я.

– Нет, – ответил он.

Я ощутил дежавю и стал гадать, входит ли в его планы моя голодная смерть. Он достал из сумки бутылку воды и протянул её мне. Действительно испытывая жажду, я взял её и отпил примерно четверть литра. Когда я закончил, он забрал бутылку и запихнул её обратно в сумку, в которой были вещи, которые он носил по пути сюда. Сумку он затем поднял и закинул на второй этаж, а сам направился к костру. Там Джейкоб набрал золы в ладони и начал размазывать её по своему костюму. Звук трения мёртвой и огрубевшей второй кожи вызывал во мне отвращение, отчего я вышел на улицу.

Пасмурное белое небо было над нами, и на его фоне зелень джунглей ощущалась насыщеннее. Свежий и прохладный ветер обдул меня, но было не так холодно, как вчера. После ночного дождя ещё ощущалась влажность, кое-где на земле набрались лужи. Не найдя другого варианта, я умылся на удивление чистой водой, что была в одной из них. Затем провёл ещё

некоторые обычные утренние процедуры и... И стал дожидаться Джейкоба, чтобы узнать, что мы будем делать дальше.

Ужас произошедшего вечером момента помнился мне, но я устал переживать из-за этого. Во мне как будто бы закончились запасы эмоций, и даже продолжение этого ужаса в виде копошившегося внутри хижины Джейкоба в его костюме никак не могло вызвать во мне хоть какую-то реакцию. Я стоял, иногда обдуваемый ветром, а мой пустой взгляд был направлен в даль, к которой уходил наш склон, и где кроны тысяч деревьев закрывали собой землю. Я думал о сказке, которую ночью мне рассказал мой проводник... На этом острове несколько сотен разных племён, и наверняка у каждого из них есть какая-то своя подобная сказка, легенда, миф, который они могут мне рассказать... Удивительно, но ни мне лично, ни, – насколько я знаю, – этнографии вообще не известен ни один народ или хотя бы племя, у которого бы не было какого-то божества, какой-то мистической веры, какого-то мифа. Это заставило меня невольно задуматься: «Быть может, на каком-то этапе своего развития живое существо действительно постигает что-то «высшее» и «внешнее», но впоследствии теряет с этим чем-то связь из-за морального ухода куда-то... не туда? Может быть, так и должно происходить – жизнь развивается и естественным образом доходит до момента постижения божественного, формирует легенду и миф, контактирует с чем-то вечным? Но потом по тем или иным причинам сворачивает с этого естественного пути развития и начинает забывать, искажать и отрицать истину? Может быть, эти кажущиеся нам дикарями люди, живущие практически первобытным образом во времена нашей технологичной современности... Может быть, они находятся в том идеальном состоянии сознания, когда уже могут постичь божественное, но их умы ещё не засорены всем тем, что отвлекает от божественного нас – цивилизованных и прогрессивных людей?»

Пока я думал об этом, Джейкоб вышел из хижины и жестом показал мне направление. Молча мы зашагали в очередные заросли с узкой протоптанной дорожкой. Он шёл передо мной, а я не мог определиться, что было бы лучше: чтобы он продолжал идти передо мной, и я наблюдал его странное высокое худощавое тело в обёртке из покрытой серой золой мерзко шелестящей кожи; или если бы он шёл за мной, и моё воображение рисовало бы его ещё более пугающим и имеющего неизвестные замыслы?

Какое-то время мы шли по джунглям. Я пронёсся по ним словно призрак, не обращая никакого внимания на окружение и дорогу – взгляд мой не отходил от быстрой поступи Джейкоба. Как долго мы шли – неизвестно, но я не успел выдохнуться. Когда мы вышли из зарослей, то я ненароком взглянул на небо, которое не успело сменить оттенок. По ощущениям, время было близко к полудню. Как и когда я вышел из хижины после пробуждения, белое солнце всё так же освещало мрачные серые тучи, оставшиеся с дождливой ночи.

Мы оказались у подножия высокого и крутого холма. По крайней мере мне так казалось до того момента, пока я не попытался оглядеть его полностью. По протяжённости, скрывавшейся в листве обильной растительности на склонах, я понял, что перед нами была полноценная гора. Наверх её вела извивающаяся тропинка, то и дело прячущаяся в кустах и вновь появляющаяся в случайных местах на склоне. Мы начали подниматься по ней.

Подъём не давался мне легко – с каждым шагом в горку в ногах начала отзываться тяжестью и болью вчерашняя прогулка до этих мест. Мне приходилось часто останавливаться на отдых, а Джейкобу приходилось терпеливо ждать меня. Но, опять же, не сказать, что мы поднимались долго. В какой-то момент дорожка перестала подниматься, и мы будто бы вышли на некое заросшее плато. Пройдя вглубь и следуя по тропе дальше, мы со временем, как мне показалось, обогнули горный хребет, и его заросшие пики, едва видимые через кроны деревьев, были теперь немного левее и позади нас. Плато продолжалось, как продолжалась и петляющая меж высоких и толстых деревьев тропинка. И вскоре она вывела нас к совершенно неожиданному месту.

Стена деревьев и зарослей плавно редела, всё больше открывая моему взору безлесную «пролысину», простилающуюся на небольшую горку впереди. Слева от нас своей мрачной серостью возвышался обогнутый нами хребет – теперь он был более каменистый и практически голый. Бедная растительность чахла в некоторых местах на нём, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел до этого.

Мы вышли из леса к упомянутой «пролысине» у подножия скалы. В этой угнетающей области росла невысокая жухлая трава и не было ни одного кустарника или дерева – они были на некотором расстоянии вокруг, в паре-тройке сотен метров, как будто бы боясь пересекать некую невидимую границу.

Тропинка шла в горку, и чем дальше мы шли по ней, тем больше мне становилось жутко и не по себе. Я оглядывался вокруг и видел за деревьями бесконечные дали острова без признаков обитаемости. Уединение и отрешённость этого места, атмосфера мрачного отчуждения вызывали у меня какой-то почти что экзистенциальный ужас. Невольно я задумался о «чистилищной» обстановке, вспомнил образы древних унылых загробных миров Шеола, Хели, Иркаллы, лугов Асфodelь и подобных, где мёртвые души влачат скучное и утомительное существование.

Всё больше с подъёмом на этот холмик мне открывался находящийся на нём мир. Невысоко уходящий вверх дым от костров подсказывал, что мы дошли. Куда? По всей видимости туда, где живут упомянутые Джейкобом прошлым вечером некие хозяева этого места. Но от увиденной по итогу картины я опешил и остановился: в отталкивающего вида поселении с едва ли десятком неаккуратных тёмных хибар, в мрачной тишине ходили туда-сюда по своим делам люди – точно такого же бледного цвета кожи, как и в моём безумном болезненном видении, которое по итогу и привело меня сюда.

– Они... как ты?... В золе?... – начал я тихо и нервно бубнить, обращаясь к Джейкобу, потому что меня переполнил страх от непонимания природы их бледности.

Он же, услышав меня, быстро развернулся и подошёл ко мне, мягко прикрыв мне рот своей мерзкой двухкожной рукой, оставляя пахучий зольный след на моём лице. Полушёпотом он начал говорить:

– Не разговаривайте. Никто здесь не разговаривает, потому что они, – оглянулся он назад, – не говорят... Я в золе, и тоже они в золе. Но они покрывают свою кожу. Я не принадлежу им, поэтому не могу покрывать свою кожу. Но должен. Поэтому здесь я ношу вторую.

После этого он положил свою руку мне на плечо и слегка подтолкнул меня, чтобы мы продолжили путь. И мы пошли, постепенно войдя на территорию деревни, означенную утоптанной тёмно-серой почвой. Я боязливо бегал глазами по окружению. Нанизанные на палки грязные черепа, то и дело встречающиеся тут и там, сопровождали меня чернотой своих глазниц. Ветер играл в костяных погремушках из грудной клетки и костей человеческих конечностей, свисающих с конца воткнутой в землю длинной ветви дерева. Костерки горели в нескольких местах, но на них ничего не готовилось. Я шёл с опасением, боясь сделать что-то неправильно и быть убитым. Но местные не обращали на меня никакого внимания. Некоторые из них бросали на меня быстрые осматривающие взгляды, а затем отводили свои жуткие глаза и возвращались к своим делам. Я заметил, что все встреченные мною жители были мужчинами. Детей я заметил только один раз – смотрящих на меня из темноты одной кособокой лачуги.

Мы прошли всю деревню и дошли до крайней избы. Джейкоб зашёл внутрь и через минуту-другую вышел, а за ним вышел тот, кто заставил моё сердце в страхе забиться чаще – шаман из моего сна. Если с жителями я мог ещё ошибиться, то в его идентификации сделать ошибку было уже трудно: массивный человек ростом около метра девяносто, выше всех остальных обитателей деревни; он был одет в отпугивающие одежды: в некую темнеющую кожаную юбку до колен, какие-то болтающиеся на груди кожаные же лоскуты и полосы, накрытые висающим на шнурке небольшим блестящим костяным диском, обрамлённым зубами. Всё это

было покрыто жуткими орнаментами, которые были получены также и на покрытой золой коже шамана – по всей видимости, путём шрамирования. Увядающая трава была подвязана к его поясу и шее. Голова его была непокрытой и лысой, безумные глаза с безразличием смотрели на меня подавляющим взглядом. И весь этот образ жутко отзывался в моей памяти, давая понять, что именно его я и видел. Но реальность моего сна, – насколько применимо тут данное слово, – на фоне общей картины событий уже давно стала чем-то само собой разумеющимся.

Джейкоб и неназванный шаман молча отправились куда-то в сторону. Мне не хотелось идти за ними, но оставаться одному в этом Богом забытом месте мне не хотелось ещё больше. Я последовал за их фигурами. Обойдя несколько выглядевших нежилыми построек, мы вскоре добрались до некой деревенской площади. Свободное от построек ровное пространство, метров тридцать длиной и примерно столько же шириной, где утоптанная почва встречалась и смешивалась с каменистым предгорьем, вело к зияющей открытой чёрной пасти очередной пещеры, что своим неправильным и рваным зубчатым контуром углублялась внутрь тела горного хребта. Свет почти не проникал в неё, отчего темнота в ней казалась ещё более зловещей и густой.

Джейкоб рукой остановил меня, когда я поравнялся с ним где-то в середине этой площади, и высокий шаман пошёл к пещере один. Он скрылся в её темноте, а Джейкоб тем временем отошёл к большому костровищу, что было неподалёку, и присел возле него. Я остался стоять один, в непонимании и в страхе неизвестности.

Боясь пошевелиться, я простоял так минут пять, а может быть и все десять. Глаза мои бегали по отвесным скалам хребта, по пасмурному небу над ним, по земле под ногами – смотреть на рукотворное окружение мне было страшно после того, как я, проявив неосторожность, краем глаза увидел выступающий из земли серый каменный монолит с плоской верхней поверхностью, что высотой своей и длиной создавал образ импровизированного стола. Весь он был покрыт багровыми разводами и подтёками.

Пещерный ветер донёс до меня шаркающие звуки какого-то копошения. В темноте что-то тяжело двигалось. Из неё вскоре вышел шаман, волоча за собой отвратительную чёрную змею. По всей видимости, она была мёртвой, и потому столь неприятным образом болталась в воздухе своим телом толщиной примерно в руку. И вот он уже почти дошёл до меня, а голова змеи всё не показывалась, что вызывало во мне тревогу, так как говорило это о значительной её длине. Но я ошибался, ибо когда колдун-туземец наконец донёс её до меня, то я понял, что это не что иное, как коса чёрных, как смоль, толстых и жирных волос. С испугом и брезгливой неприязнью я окинул взглядом весь этот волосяной хвост и обратил взгляд на пещеру, из которой он тянулся. Там, в темноте, едва различимо поблёскивала пара глаз, принадлежавшая массивному силуэту, чьи контуры расплывались в непроглядной черноте. Казалось, какая-то человеческая гора сидит там, во мраке, и молчаливо наблюдает за мной. Мурашки побежали по моей коже.

Шаман бросил волосы на землю и достал откуда-то из-под травы на поясе небольшой костяной топорик. Одним уверенным движением он отсёк от конца косы около пяти сантиметров волос, убрал топорик обратно и поднял плотный колтуноподобный обрубок. Его он покачал и помял в руках, словно разминал лимон для выдавливания сока. Внезапно подошедший Джейкоб поднёс ему чашу из половины скорлупы кокосового ореха с жуткими резбовыми узорами на ней. Шаман положил в неё грубый блестящий салом клоч и начал его мять и разделять. Его руки тоже заблестели, а в чаше вскоре были рвано разделённые пряди и локоны, все ещё местами сплетающиеся между собой. Затем он взял чашу сам, а Джейкоб поднял ранее оставленный у своих ног сосуд и налил из него воды в неё.

Вода тут же начала мутнеть и темнеть. Шаман запустил в неё свои пальцы и ещё помял волосы, которые испустили потоки черноты. Сернистый запах ощутимо раздавался из чаши. Настой был протянут мне – очевидно, с намёком на то, что мне нужно выпить эту бурду.

Понимая, что я не хочу, но выбора у меня нет, я неуверенно прильнул губами к краю чаши и начал осторожно втягивать в себя отвратительную жидкость. Жирная горечь разлилась по моему рту, и с трудом я её проглотил, пока держащий чашу наклонял её ко мне, дальше заливая содержимое в меня. В какой-то момент, – возможно, когда моих губ коснулись «настоянные» волосы, – я не выдержал и отвернулся от питья, упав на колени на влажную почву. От моего резкого движения остатки отвара в чаше пролились на меня. Я выплюнул оставшуюся жидкость, но ощутил, что меня вот-вот вырвет. Из недр моего желудка с силой вылилось чёрной жижей всё то, что я только что выпил. Дикие болезненные спазмы сжимали живот и пищевод, не давая мне дышать. Я кашлял и задыхался, а из меня продолжали выходить остатки, перемешанные с желудочным соком. Всё моё тело дрожало, а в мыслях была только маленькая радость от того, что я ничего не ел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.